

Можно ли измерять научное творчество?*

Материалы “круглого стола”

Участвовали:

Лекторский Владислав Александрович – академик, заведующий сектором теории познания Института философии РАН, участник группы по трансдисциплинарному исследованию познания, мышления, сознания при Томском государственном университете.

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – академик, директор Института философии РАН.

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Паршин Алексей Николаевич – академик, заведующий отделом алгебры и теории чисел Математического института им. В.А. Стеклова РАН.

Дыбо Анна Владимировна – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Крылов Сергей Александрович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языков Азии и Африки Института востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН.

Яковлева Александра Фёдоровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Труфанова Елена Олеговна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Пирожкова Софья Владиславовна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Усольцева Инесса Владимировна – кандидат психологических наук, зав. лабораторией Института семьи и воспитания РАО.

Кибальчич Дмитрий Алексеевич – младший научный сотрудник Института философии РАН.

В.А. Лекторский: Можно ли измерить научное творчество... Почему данная проблема возникла, почему к ней сейчас приковано такое внимание? Во-первых, она связана с положением науки в современном мире вообще и в России, в частности. Идёт так называемая реформа Российской академии наук. Разумеется, на первый план выдвигаются следующие вопросы: какую роль играет наука в современном обществе, какая наука нужна, какую науку может позволить себе та или иная страна и что вообще с наукой происходит. Какие-то катаклизмы наука переживает везде, во всем мире наука меняется.

* Организация “круглого стола” и подготовка его материалов осуществлены при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-33-01098.

Наука сформировалась не сегодня и не вчера, а довольно давно. Есть мнение, что она возникла в XVII столетии, потому что именно тогда появилась экспериментальная наука Нового времени, эта основа современной науки. Есть другое мнение, что наука родилась гораздо раньше, может быть, уже в античности. Так, у Аристотеля была физика, задолго до XVII в. появилась математика. Античная наука была иного типа, нежели наука новоевропейская, но это были тоже особого рода специализированные знания о мире, о природе. Наука менялась и после XVII в. Сейчас многие специалисты говорят, что в мире появилась наука нового вида – явление, которое получило название “технонаука”. Некоторые спорят, можно ли так считать, но одно представляется несомненным: современная наука все более тесно переплетается с технологиями, по крайней мере, это справедливо для естественно-научных дисциплин. Наука всегда, или во всяком случае, после XVII в., была связана с технологиями. Но постепенно, а особенно в последние десятилетия, взаимосвязь усиливается, и на фоне этого процесса у многих людей, претендующих на какое-то управление наукой, возникает мнение, что она имеет ценность постольку, поскольку способствует производству новых технологий.

Идет технологизация в понимании как науки, так и общества. Все можно изменить, переделать – это одна из главных идей XX в. Технологии, опирающиеся на науку, достигли таких высот, что с их помощью можно трансформировать человека, его сознание, мозг, телесность, а далее начать управлять эволюцией: то, что было стихийно, сейчас хотят поставить под контроль. “Оптимисты” уверяют, что все можно будет высчитать, и даже можно указать, как делать научные открытия. Во всяком случае, уже ставят задачу – и пытаются её реализовать – научиться измерять, насколько значима та или иная идея, работа, публикация. Эта идея измерения – мода последнего времени.

Однако возникают очень серьезные сомнения. Конечно, наука с технологиями связана, в особенности современная наука – именно это имеют в виду, когда говорят об обществе знания. Но если наука превратится только в то, о чем я говорил, она, наверное, потеряет нечто очень ценное, потому что наука исторически возникла как поиск – поиск знания, поиск истины, ей не обязательно быть утилитарной, отягощенной какими-то внешними целями. Особенно ярко такая природа науки проявилась на заре ее существования, в античности. Когда у древних греков, занимавшихся наукой, спрашивали, какая польза от их занятий, они говорили, что это кошунство – как можно вообще задавать такие вопросы? Сегодня кажется естественным вопрос о том, можно ли измерять научное творчество.

Когда наука появилась в XVII в., у многих философов была идея о том, что можно. Многие философы пытались создать логику открытия, алгоритм открытия, потом стало ясно, что ничего не получается. Такого алгоритма открытия не существует. Какие-то способствующие открытию условия можно создать, но определить последовательность действий и совокупность методов, ведущих к открытию, невозможно. Сейчас возникла другая идея о том, что можно измерять то, что в науке получено. Научные результаты обычно оформляют в виде статей, статьи публикуют, количественные показатели (число публикаций, цитирований и проч.) подсчитывают, разрабатывают индексы цитирования. Широко распространяется мнение, что по индексу цитирования можно судить о значимости того или иного результата. Особенно это удобно для тех, кто претендует на управление наукой. Сейчас существует термин “управление знанием”, хотя я не понимаю, как можно управлять знанием или творчеством. Есть такие сферы человеческой жизни, где управление невозможно. Можно создавать более или менее благоприятные условия, определять направления, но “управлять” – это же очень сильное понятие. Я могу управлять, когда какой-либо процесс контролирую полностью – я знаю, что я ставлю цель, и я знаю, что я получу конкретный результат, но с наукой так не получается – она не поддается контролю.

В своей социальной философии К. Поппер выдвигает тезис, согласно которому нельзя точно предсказать развитие общества. А почему? У него есть целый ряд аргументов в пользу этого утверждения. Один из них такой: современное общество основано на развитии науки, а определить, какое открытие в науке будет сделано, невозможно. Но сейчас формулируется точка зрения, даже целая программа, и ее создатели уверяют, что можно будет предвидеть, контролировать, управлять, оценивать результаты с помощью библио-

метрических показателей. Вокруг этого ведется много споров, тем более в связи с реформой РАН, а библиометрические данные уже пытаются использовать в качестве показателей продуктивности научной работы. На самом деле продуктивность так просто определить невозможно. Все показатели, например индекс цитирования, имеют какой-то смысл, но иногда трудно понять, что именно они отражают. Возникает очень много вопросов, и основные из них мы предложили к обсуждению сегодня: наукометрия и ее особенности, цитирование как репрезентационный показатель научной деятельности, экспертиза. Экспертиза и индекс научного цитирования – это не одно и то же. В некоторых случаях по индексу цитирования сложно дать оценку. А эксперт в этом смысле может предоставить более адекватную картину, хотя тоже не застрахован от ошибок.

Такова проблематика, которой посвящено наше сегодняшнее обсуждение.

А.А. Гусейнов: Я хотел бы сосредоточиться на вопросе об особенностях оценки научной деятельности и научных результатов в социально-гуманитарных, естественных и технических науках, а точнее, на специфике оценки научной деятельности в области философии. В связи с экспансией наукометрических методов оценки, считаю необходимым прежде всего подчеркнуть – в философии статья не может рассматриваться в качестве единицы научной результативности. Такой единицей, отражающей научную работу и ее продуктивность, является более солидный труд – трактат или монография, но в любом случае не статья. Этот тезис не встречает понимания и должен быть более глубоко обоснован.

Для начала можно сослаться на историю: не было ни одного случая, когда статья сделала бы имя философу. Статья имеет значение в философии, когда последняя сближается по своему характеру с математикой или с какой-то другой областью точного знания. А между тем есть такие особенности, относящиеся к самой сути философии, в силу которых она не “умещается” в статьях. Это прежде всего связано с тем, что философия вырабатывает цельный взгляд на свой предмет. Поэтому и рассмотрение любого отдельного вопроса или сюжета всегда должно быть вписано в некий контекст и требует значительно более широких и развернутых исследований. Во всяком случае, философия в той мере, в которой она является философией, всегда индивидуализирована, связана с конкретным именем и, следовательно, с определенной системой взглядов – есть философия Канта, есть философия Гегеля и т.д. Накопление знаний в философии идет не так, как в строгих науках, где последующий исследователь начинает там, где остановился предыдущий, и в результате складывается единая линия всё углубляющегося научного познания. Здесь каждый философ строит заново, как если бы всё, что ему предшествовало, было неверно. История философии плюралистична, она складывается из многих философий. Если понимать философию таким образом, а это на мой взгляд близко к истине, то она может быть развернута только в крупном, всестороннем исследовании. Философскую систему, многоаспектное философское исследование можно разбить на статьи, можно говорить о десятках статей, которые потом складываются в какую-то цельную концепцию. Но это будет именно разъединение целого. Таков первый аргумент.

Второй аргумент следующий. Платон в своем Седьмом письме выдвигает тезис, который может показаться странным. Отвечая на упрек, что Дионисий излагает его философию как свою, фактически присваивает её, Платон отмечает принципиальную невозможность подобного повторения. Мысль Платона, если я её верно понимаю, очень неожиданная. Он говорит, что в философии плагиат невозможен. Он невозможен не только в том смысле, что Дионисий на это не способен, но и в том смысле, что это невозможно в принципе, философия не может застыть в языке, в словах, философскую мысль нельзя оторвать от самого мыслящего. Платон выстраивает развернутую аргументацию, выделяя определенные стадии познания. Он приводит пример с кругом. Что есть круг. Сперва, мы даем имя кругу, называем нечто кругом, потом даём определение кругу; даже изображаем его; затем познаем, что такое круг. И это все еще не философия. Философия начинается тогда, когда мы мыслим все в некоем единстве, мыслим бытие круга. Это такая стадия, которую трудно выразить в языке. Данная метафора говорит о том, что философская идея для своего выражения требует многих речевых опытов, рассмотрения с разных сторон, требует аналогий, метафор, других разнообразных мыслительных процедур. Совокупность всех этих слож-

ных, противоречивых форм связи философской мысли с языком нельзя уложить в рамки статьи. Почему, собственно, считалось предпочтительным философию развивать в устной форме, где есть вопросы и ответы, где всегда можно что-то уточнить, сказать иначе с тем, чтобы подходить и подходить все ближе к пониманию идеи, которую тем не менее выразить до конца нельзя.

Когда мы говорим о философии в том виде, в котором она представлена наследием Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля и других великих философов, становится совершенно очевидным: для выражения философской мысли, в отличие от результатов, получаемых в каких-то точных или естественных науках, статья не может быть адекватной формой. Но это касается великих философов и больших философских систем. И в этом смысле надо провести разграничение между такой философией и ее создателями и, скажем, преподавателями философии, научными работниками в области философии. К научным работникам в области философии, к профессорами философии, в общем-то, можно предъявлять такие требования, когда статья считается единицей их научной деятельности. Разумеется, они включаются в процесс исследовательской работы, которая тоже всегда строится в рамках определенной школы или традиции, но тем не менее не всегда жестко определяется ее принципами и положениями. Существуют работы, претендующие на некоторую объективность, но при этом не обязательно относящиеся к определенной традиции. Если взять статьи, публикуемые даже в лучшем журнале по философии, который есть сегодня в России, – “Вопросах философии”, мне кажется, не всегда удаётся жестко замкнуть многие из них на одну философскую традицию, на одно имя. Это так, но вся особенность современной ситуации заключается в трудности разделения, разграничения, условно скажем, “больших философов”, с одной стороны, и профессоров философии, исследователей философии, работников в области философии – с другой. В Новое время провести подобное различие было легче: одно дело профессора в университетах, другое – “свободные” философы, жившие, как Декарт, Гоббс, при дворах, а не в университетах. Но уже в XX в. философы, в том числе и большинство больших философов – Гуссерль, Хайдеггер, развивали свои учения, совмещая эту деятельность с преподавательской, то есть будучи профессорами философии. Тот факт, что мы сегодня не можем провести соответствующей дифференциации, означает что мы, в общем-то, не знаем, каков со временем будет масштаб той или иной фигуры, какое место она займет в философии.

С учетом указанной специфики современного периода развития философии, требование, которое жестко замыкает оценку философского труда на статью, мне представляется в корне подрывающим философию как уникальный способ творчества. Оно начисто вымывает специфику философии, сводя ее к тому, что можно было бы назвать познанием. Но философия – это все же не только познание, а мышление, созерцание, что-то иное, что-то большее, чем познание. Большее не в смысле “выше” или “лучше”, но в смысле “иное”. Замыкая оценку труда философа на статью, мы оказываемся перед опасностью потерять специфику философского способа постижения мира и человека.

Что касается самой идеи измерения, то это второй вопрос. Я выразил свою позицию по поводу библиометрической единицы, которая позволяет отразить работу философа, но измеряется ли она? Думаю, и монография не может быть единицей измерения. Если есть монография, это ведь не означает, что есть философский результат. Но одно представляет несомненным: если результат и есть, то мы должны искать его именно в монографиях, а не в статьях. Философию, такую, какую мы связываем с именами уровня Хайдеггера или Канта, бесполезно искать в статьях, в статье ее не найдешь. В этом недостаток ориентации на статью, и постольку подобная ориентация губительна для философии, поскольку она сразу нивелирует самобытность философского творчества и приравнивает философию ко всем другим областям знания.

Наконец, проблема, можно ли вообще более или менее адекватно оценить философию, – это третий, самый широкий по охвату вопрос. Я могу привести много примеров, когда прижизненная слава философов и посмертная их судьба находятся в обратной связи. Мы знаем случаи, когда людей при жизни славил, они имели огромную популярность, а после смерти терялись в библиографических перечнях. Самый яркий пример – Рудольф

Эйкен. Он был первым философом, ставшим лауреатом Нобелевской премии по литературе, хотя, в отличие от Сартра, не писал художественных произведений. Он получил Нобелевскую премию именно как философ за свои философские сочинения. Он пользовался в своё время колоссальной популярностью. Его принимали короли и президенты. И где он сейчас? В словаре вы, конечно, найдете Рудольфа Эйкена, но кто его читает, кто его цитирует? Отсюда понятно, какова может быть судьба разнообразных рейтингов, в том числе основанных на подсчетах цитирований.

История с Эйкеном дает нам один возможный сценарий, но мы знаем и другие, например, нередко бывало, что великие философы на столетия пропадали. Спиноза пропал. Шопенгауэра, Ницше долго не признавали. Кьеркегора никто не знал при его жизни. Подобные примеры свидетельствуют, что чисто количественная оценка невозможна. В этом смысле философия приблизительно как поэзия. Как количественно оценить поэзию? Вы же не станете подсчитывать количество слов?

Статью нельзя считать единицей результативности труда философа, что касается монографий, книг, в которых разрабатываются философские сюжеты, – они уже могут быть предметом рассмотрения. Но возможно ли выделить какие-то демонстрирующие эффективность труда философа количественные показатели, например, объем монографии или ее цитируемость – в этом я уже сомневаюсь. Здесь необходимы дополнительные критерии, ведь философия как творческая деятельность всегда дает что-то новое, что, как правило, другие авторитетные философы не будут признавать. Здесь, видимо, надо ориентироваться, во всяком случае учитывать в качестве важного критерия мнение философского сообщества, то, что можно было бы назвать философской репутацией. Правда тут опять-таки встаёт вопрос, как эту репутацию выявить, зафиксировать.

С.А. Крылов: Хочу привести несколько контрпримеров в отношении главного тезиса озвученного доклада. Работа Г. Фреге “Смысл и денотат” – это журнальная статья. “Категории” Аристотеля делятся на главы, но объем составляет 1,8 п.л. А статья И. Сталина “О диалектическом и историческом материализме”, опубликованная в 1937 г. в газете “Правда”, и того меньше – 1,7 п.л.

А.А. Гусейнов: “Категории” Аристотеля вне других его работ (“Метафизики”, “Физики”) и смысла бы не имели. Труды Аристотеля “О душе” или “Этика” состоят из книг, и каждая книга сопоставима со статьей, но вне контекста книги они не имеют смысла, и вы их не поймете. Поэтому я не считаю это контрпримером. Статья Сталина – это глава в книге. Главы из книг можно печатать в качестве статей, так и делали многие. И, наоборот, из статей потом собирали книги...

Реплика: Томас Нагель известен в философии сознания главным образом по одной своей статье “Что значит быть летучей мышью?”, хотя конечно философии он известен не только по этой статье.

А.А. Гусейнов: Есть маленькая статья Гегеля “Кто мыслит абстрактно?”, которую перевел Э.В. Ильенков. Замечательная статья, имеющая самостоятельную жизнь. Но она вне философской системы Гегеля не существует.

Реплика: Я согласен, чтобы выразить какую-то концепцию, взгляд на мир, на человека, нужно написать большой трактат и исторически философия развивалась именно в форме широких по содержанию и крупных по объему сочинений. Так было и так во многом остается. Тем не менее сейчас ситуация другая, особенно в аналитической философии, в рамках которой яркую идею можно выразить с помощью статьи. И такие примеры есть. Статья Поппера, где идея третьего мира была изложена – там всего два листа. И даже есть, по крайней мере, один случай, когда статья сделала имя философу. Почти тридцать лет обсуждают статью Эдмунда Геттиера – три страницы текста – “Является ли знанием истинное и обоснованное мнение?”, кроме которой он ничего не написал. Хотя, в принципе, вы правы – большие мысли выражаются в книгах. Библиометрические показатели были разработаны для естественных наук. Не только для философии, но и для других областей гуманитарного знания подобный учет статей – ущербный способ оценки результатов труда ученого.

С.А. Крылов: Кстати, еще один пример. Г.П. Грайс “Логика и речевое общение” – основополагающая и породившая целое направление работа – это тоже статья.

Д.А. Кибальчич: Владислав Александрович затронул тему аналитической философии – это действительно интересно. Не хочется рассматривать вопрос узко: монография или статья. По сути, мы можем посмотреть сборники аналитических философов и увидеть циклы статей, посвященные определенной тематике. Конечно, их невозможно воспринимать как главы книги в том аспекте, как писались книги в XVIII или XIX в., но, безусловно, в нескольких статьях, в пяти или шести, может быть выражена концепция философа, даже достаточно основательно и подробно. Я искренне убежден, не знаю хорошо это или плохо, но, тем не менее, в каком-то роде эти циклы повторяют структуру больших работ.

С.В. Пирожкова: В естественных науках приблизительно такая же ситуация как в аналитической философии, поэтому рассматривать отдельную статью как некий законченный продукт вне зависимости от других статей, особенно, если мы говорим о цикле исследований либо об исследовательском проекте, тоже невозможно. Хотя нельзя сказать, что подобные циклы автоматически могут складываться в какую-то монографию – это уже немного другой уровень осмысления тех результатов, которые получаются в рамках исследования, но что отдельная статья всегда может содержать вывод, настолько значимый и обоснованный, что мы в праве назвать его научным результатом – это тоже не совсем корректное представление.

А.А. Гусейнов: Моя мысль заключается в том, что статьи, с которыми мы сталкиваемся в современных журналах, – они не репрезентируют итогов большой философской работы. Возьмем пример из отечественной философии – самый замечательный пример – статью Э.В. Ильенкова “Проблема идеального”. Это отдельная статья, но надо понимать, что эта статья могла возникнуть только в определенной философской традиции. Это не та статья, которая могла бы появиться в современном международном философском журнале. Это именно статья марксиста, спинозиста, гегельянца, человека, развивавшего эту традицию. И в этом смысле это не статья, а маленький трактат мыслителя, относящегося к определенной философской школе, это что-то вроде “Категорий” Аристотеля. Но когда мы говорим о статье, мы имеем в виду нечто другое: короткий законченный текст, обладающий определенной убедительной и доказательной силой для всех других, а не только для тех, кто заранее разделяет позицию автора.

В.А. Лекторский: Вы хотите сказать, что текст Ильенкова предназначен только для тех, кто разделяет его позиции? А если не разделяет, то и читать не стоит?

А.А. Гусейнов: Я не говорю, что не стоит. Читатель прочтет, но не признает ценности. Для представителя аналитической философии такой текст ничего не скажет. А для человека, который вырос в классической традиции, идущей от Спинозы, от Маркса, статья будет понятна.

В.А. Лекторский: К любой статье так можно отнестись. Любая статья в какой-то традиции написана.

А.А. Гусейнов: Не любая.

В.А. Лекторский: Текст Ильенкова перевели в Англии, сейчас во Франции переводят. Давид Бэххерст посвятил почти целую главу своей книги обсуждению текста Ильенкова, а он сторонник аналитической философии. Можно обсуждать статью Ильенкова и в другой традиции. Суть в том, что есть разные статьи, есть разные монографии. Хотя я согласен, что в философии есть специфика и что книга, монография здесь играет особую роль, какую не играет в естественных науках. Я правильно понял, что в философии статьи вообще не надо учитывать?

А.А. Гусейнов: Я считаю, статьи если и могут быть показателем, то не первостепенным, учитываться только в качестве одного из дополнительных показателей. Полностью их нельзя, конечно, игнорировать, поскольку есть философская периодика.

В.А. Лекторский: Но мы же отчитываемся статьями за свою научную работу? Может тогда не стоит этого делать?

А.Л. Никифоров: Абдусалам Абдулкеримович романтик. Он смотрит на деятельность философа, как на создание философской системы, выражение своего взгляда на мир, рас-

смотрение круга фундаментальных философских проблем. Конечно, в таком случае результатом деятельности будет монография. Но философ измывался. Сейчас подобных системосозидающих людей уже практически нет. Философия дифференцируется, превращается в совокупность крайне узкоспециализированных исследований, а для освещения каких-то мелких проблем достаточно одной статьи.

А.А. Гусейнов: Поэтому я и говорю: для оценки работников в области философии, профессоров, научных сотрудников учета опубликованных работ достаточно. Но если вдруг среди нас окажется Кант, то мы его уничтожим такими требованиями. А вне философской среды он не может существовать. В этом заключается парадокс и главная проблема. Если мы не хотим погубить саму возможность появления новой крупной фигуры в философии, нельзя сводить все критерии оценки к подсчету статей и измерению их количественных характеристик.

А.Л. Никифоров: Сейчас толстые книги никто не читает. “Критику чистого разума” никто читать не будет.

А.А. Гусейнов: Это уже другой вопрос. Если появится новая “Критика...”, достаточно, чтобы её сначала один или двое прочитали, потом рассказали коллегам, возникло внимание, обсуждение. Это другая история. Но вы никогда меня не убедите, что есть какая-то иная форма развития философии, чем создание самой философии. А это деятельность, которая имеет такой объем и такую постановку вопроса, что для представления ее результатов статья не подходит. Вот моя мысль.

А.Л. Никифоров: Проблемы, поставленные на этом круглом столе, чрезвычайно важны и интересны, они заслуживают глубокого и тщательного обсуждения. Я ограничусь вопросом оценки философского творчества – именно этот вопрос становится сегодня все более актуальным. Но сначала несколько слов я должен сказать о своем понимании творчества.

Обычно под “творчеством” понимают создание чего-то нового, ранее неизвестного или небывалого. Творчество – это создание нового живописного полотна, написание нового романа или стихотворения, сочинение новой музыкальной мелодии... В науке творчеством называют выдвижение оригинальной гипотезы, идеи, создание новой теории, в технике – изобретение нового прибора, инструмента, технического устройства.

Мы видим, что при таком подходе творческий процесс отличается от рутинного своим результатом: если в результате деятельности появилось что-то новое, то деятельность признается творческой, если же результат не содержит ничего нового, то деятельность не была творческой. Однако определение творчества через его продукт кажется не вполне удовлетворительным, ибо понятие новизны достаточно расплывчато. Новое – для кого? Для самого деятеля? Но он может изобретать давно известный велосипед. Новое для некоторого коллектива, для социальной группы? Но опять-таки, то, что кажется новым в одном коллективе, в другом коллективе может считаться чем-то давно устаревшим. Новое для определенной культуры, для данной эпохи? Это, конечно, уже серьезнее, однако часто бывает, что корни или предвосхищения идеи, кажущейся нам совершенно новой, отыскиваются в далеком прошлом.

К тому же далеко не всякое новое оценивается нами как продукт творчества. Я могу изобрести новый способ плевать в потолок, но едва ли на этом основании меня будут считать творцом. Новое должно обладать определенной общественной ценностью. Но что ценно с точки зрения общества, а что не заслуживает внимания, – это весьма сложный и едва ли разрешимый вопрос. Таким образом, как мне представляется, через понятие новизны трудно определить понятие творчества.

Можно попытаться найти специфику творчества в самой человеческой деятельности, независимо от того, как оцениваются ее результаты. Деятельность, как известно, выполняет две функции: 1) она служит средством преобразования окружающих вещей для удовлетворения наших потребностей; 2) одновременно она служит средством самовыражения личности действующего индивида. Эти две функции в реальных актах человеческих дел и поступков слиты воедино. Да, все мы выполняем какие-то действия для достижения известных целей достаточно рутинно, руководствуясь логикой, рациональными правилами,

усвоенными знаниями, стандартами и стереотипами, принятыми в нашем обществе. Однако даже в выполнение самых рутинных действий каждый человек вносит что-то свое, человек не автомат, он не может с механической точностью воспроизводить даже самые простые действия. Скажем, вам нужно наколоть дров. Конечно, каждый из нас возьмет для этой цели топор и будет совершать примерно одни и те же телодвижения. Однако разные люди будут делать это по-разному. Все мы пользуемся при общении одним и тем же русским языком, но речь каждого из нас отличается индивидуальным своеобразием. Вот в этих отличиях при выполнении даже самых рутинных действий и выражается разница между действующими индивидами, выражаются особенности разных действующих личностей.

Чем более свободен индивид в своей деятельности, тем в большей мере она выражает особенности его личности. Говоря о деятельности, мы обычно выделяем ее цель, средства, условия, в которых она осуществляется, и ее результат (или результаты). В миллионах стандартных ситуаций все это нам дано, предписано правилами и стандартами. Наша деятельность подчинена этим стандартам и правилам и потому несвободна. Но если индивид свободно выбирает цель и средства ее достижения, если он может выбирать или задавать условия деятельности, то он свободен. И вот тогда его деятельность будет главным образом и в основном своим содержанием служить лишь средством его самовыражения: если вы ничем не ограничены в своей деятельности, то она и ее результат будет выражать только особенности вашей личности. И насколько нова, оригинальна, уникальна ваша личность, настолько же новой и уникальной будет ваша деятельность и ее результат.

Таким образом, творчество – это способ самовыражения личности, и его результат будет настолько нов и оригинален, насколько нова и оригинальна ваша личность.

Когда говорят о научном творчестве, обычно различают открытие и изобретение. Результат деятельности ученого может состоять в открытии каких-то фактов или законов, которые уже существовали, но были неизвестны человечеству. Так мы говорим, что, скажем, Кеплер открыл законы движения планет, Ньютон открыл закон тяготения, Лавуазье обнаружил, что атмосферный воздух имеет сложный состав и т.п. Все эти вещи существовали, и названные ученые лишь обнаружили их существование. Это можно сравнить с поисками клада: клад существует, его лишь надо найти. Другое дело изобретение: колесо, тепловой двигатель, кубик Рубика – их не было в природе, не было в мире, эти вещи создал человек. С этой точки зрения, изобретение гораздо больше похоже на творчество, нежели открытие. В процессе открытия ученый почти не имеет свободы самовыражения, он скован законами природы и фактами, внешним положением дел. Когда вы ищете клад, вам известно, что он собой представляет, где приблизительно может находиться и т.п. Единственное, что вы можете выбирать, это маршруты своих поисков – в этом выборе проявятся черты вашей личности. В процессе изобретения человек гораздо более свободен, поэтому изобретение гораздо ближе к творчеству. Математическое творчество иногда сравнивают с изобретением. И, конечно, в наибольшей степени похожи на изобретение литература, живопись, музыка, поэтому творческими личностями преимущественно называют именно музыкантов, художников, поэтов.

Теоретически все это кажется достаточно простым и даже тривиальным: каждый свободно действующий человек является творцом. Однако в применении к общественной жизни все осложняется тем, что результат вашего творческого самовыражения должен получить общественное признание – только тогда ваша деятельность будет оценена как творчество не только вами, но и обществом. А общественная оценка зависит от множества трудно учитываемых факторов – от готовности специалистов понять и признать новое, от устроения общества, от пропаганды и пиара, от моды и т.п. В 1865 г. Грегор Мендель дважды выступал с докладом на заседании Брюннского общества естествоиспытателей, разослал оттиски своего доклада ведущим биологам Европы – никакой реакции! Понадобилось почти 40 лет, чтобы научное сообщество оценило его великое открытие. Модильяни умер в нищете, а Энди Уорхол, выливавший краску на расстеленный холст и растиравший её малярной кистью, прославился как великий художник!

Для нас самое интересное – это оценка результатов нашего философского творчества. Это чрезвычайно сложная и, как мне представляется, практически неразрешимая

проблема. Никакие формальные критерии, индексы цитирования и прочие подобные вещи здесь помочь не могут. Наше творчество выражается в создании текстов. Математик, логик, физик или химик может набросать две-три страницы и представить интересный результат. Философ же должен написать литературный текст и его столь же трудно оценивать, как трудно оценивать произведения художественной литературы.

Конечно, есть какие-то внешние признаки, которые позволяют отсеять очевидную подделку: корявость языка; бесконечное нагромождение цитат; отсутствие аргументации и рассуждений вообще; провозглашение каких-то идей без попытки их обоснования; элементарная философская безграмотность, выражающаяся в перевертывании известных идей или в неверном употреблении известных терминов и т.п. Здесь опыт и интуиция со значительной долей уверенности позволяют отличить и отбросить заведомо плохой текст.

Но если текст написан рукой образованного графомана или опытного халтурщика, то обосновать его никчемность практически невозможно. Эта никчемность скорее чувствуется. Если мы говорим о творчестве как о самовыражении личности, то хороший философский текст должен выражать личность автора – его вкусы, предпочтения, манеру рассуждать и т.п. Если текст выражает особенности личности автора, особенности его видения или решения проблемы, то это – хороший текст, ибо он столь же нов и оригинален, сколь нова и оригинальна личность автора. Философские проблемы обсуждаются уже в течение нескольких тысячелетий: окружающий мир, познание и истина, свобода и ответственность, сущность прекрасного, личность, общество, государство – рассмотрение всего этого мы найдем уже у Платона. Философы каждой эпохи и каждой страны дают ответы на эти вопросы, выражая унастроение своей эпохи – унастроение, которое своеобразно преломляется в их индивидуальном сознании. И ответы на эти вопросы ценны главным образом тем, что в них выражается своеобразие личности автора и через это – своеобразие эпохи и социальной среды. Выразить подход к решению философских проблем, характерный для данной страны, ее культуры и эпохи, – вот высший результат философского творчества.

Однако общественное признание результата философского творчества – даже если мы имеем дело с творчеством, а не с графоманством, – серьезно осложняется тем, что в отличие от естественных наук, в которых существует некоторый фонд общепризнанного знания и общепринятых методов, философия принципиально плюралистична: здесь всегда сосуществуют разные философские направления, школы, стили философствования. И представителям одного философского течения тексты другого философского течения могут представляться не просто плохими, а даже бессмысленными. Вспомните отношение Р. Карнапа к М. Хайдеггеру! (Кстати, здесь можно усмотреть еще один признак графоманства: если автор с равным пиететом цитирует Рассела и Сартра, Пoppers и позднего Витгенштейна, Гегеля и Маха, то скорее всего у него нет никакого вкуса к философии.)

Поэтому оценивать качество философских текстов должны эксперты, никакие индексы цитирования не позволяют судить о качестве. Однако экспертов должно быть несколько и они должны смотреть на текст с точки зрения разных философских школ. Предоставьте мне одну такую оценку, и я сразу же объявлю бессмысленной болтовней тексты поклонников французского постмодернизма или позднего Витгенштейна! Как мне представляется, никаких формальных критериев оценки философских текстов найти нельзя, здесь возможна только экспертная оценка.

В.А. Лекторский: Александр Леонидович, среди прочих вы подняли очень важную тему научных подделок. В последнее время много фактов, свидетельствующих о сложности их выявления.

И.В. Усольцева: Хотелось бы продолжить тему и воспользоваться тем, что наш “круглый стол” посвящен не только философии, но науке в целом и рассказать об одном случае. В октябрьском номере известного журнала “Scientific magazine” приводится описание весьма интересного эксперимента. Суть заключалась в том, что с помощью компьютерной программы смоделировали естественно-научную статью, разослали в более двухсот журналов. Статьи приняли к печати 158. Редактор – один из экспертов научного сообщества, который должен принимать решение, достойна ли статья публикации или нет. И результат

этого эксперимента заостряет проблему подобной экспертизы. Автор эксперимента отмечает, что в статье буквально на первых страницах появляются неверные сведения, и достаточно школьного курса химии, чтобы понять, что это глупость. И вот 158 редакторов принимают такую статью к публикации.

В.А.Лекторский: Да, еще один пример такого рода: два нобелевских лауреата заключили пари, что напишут полную ерунду и отправят в журналы и, поскольку они нобелевские лауреаты, их опубликуют. Так и произошло. Послали в журнал “Nature”, там почитали, решили, что авторитет нобелевских лауреатов не позволяет сомневаться в их компетентности, и опубликовали. Мне пришлось поработать в РГНФ, и я понял, что экспертиза тоже довольно субъективная вещь.

С.А. Крылов: Начать хотелось бы с вопроса о возможности количественных оценок в лингвистике. Из всех гуманитарных наук лингвистика стоит ближе всего к естественным, так как имеет дело с объектом, существующим более или менее независимо от познающего субъекта и развивающимся по своим собственным законам, которые выявляются экспериментальным путем. Это позволяет сделать вывод, что в лингвистике количественные методы оценки применимы.

А.В. Дыбо: Поддается численной оценке качество работ по сравнительно-историческому языкознанию – этимологических словарей и сравнительно-исторических грамматик, содержащих фонетическую и морфологическую реконструкцию. Соответствующий метод предложен в статье А.В. Дыбо и Ю.В. Норманской “К методике сравнения этимологических работ” (опубликована в журнале “Вопросы языкового родства”, № 7 за 2012 г.) и апробирован на десятке таких работ. На основании подобной оценки легко обнаруживаются “узкие места” реконструкций, что крайне важно, поскольку на доработку этих недостатков стоит направить основные усилия исследователя. Если автор конкретного этимологического словаря работал в рамках уже принятой фонетической реконструкции, его работу следует сравнить со словарями, составленными в рамках той же концепции, в которых приводятся этимологии того же праязыкового уровня. Сравнение надо провести по трем параметрам, численное значение которых выражается в процентах:

- 1) числу опечаток и ошибочных переводов;
- 2) числу нарушений системы звуковых соответствий (СЗС);
- 3) числу “семантических нарушений”, т.е. предположений о недопустимых переходах.

Если автор конструирует новую систему звуковых соответствий или существенно модифицирует какую-то старую, сначала необходимо сравнить его авторскую разработку с другими системами звукового соответствия, во-первых, по числу случаев, когда несколько рефлексов даются без указания на правила их распределения, во-вторых, по числу исключений из предложенной автором системы. После этого можно будет провести оценку словаря в рамках новой системы звуковых соответствий по процедуре, описанной для случая словарей, составленных в рамках известной СЗС.

С.А. Крылов: Помимо сравнительного анализа словарей, для целей измерения результатов научной деятельности важным является определение наукометрически измеримых предметов. Так, некоторые из количественных параметров в лингвистике носят металингвистический характер и потому вполне допускают успешное применение наукометрических методов для их исследования. Назовем эти параметры “наукометрически измеримыми” (НМИ).

К наукометрически измеримым предметам относятся, в частности:

- 1) лица (personalia), среди которых можно выделить, во-первых, лингвистов, во-вторых, так называемых информантов, их число преимущественно составляют писатели;
- 2) языки, а также народы;
- 3) понятия, обозначаемые лингвистическими терминами (и терминосочетаниями);
- 4) языковые единицы, большей частью лексемы, но также морфемы, конструкции, фонемы и графемы.

Имена каждого из перечисленных лингвистических предметов входят в соответствующий указатель – в указатели имен, языков, народов, терминологический и предметный указатели, указатели языковых единиц.

На основе измерения этих предметов можно вырабатывать способы оценки результата деятельности лингвиста, его роли и влияния на исследования в данной области.

А.В. Дыбо: Что касается объективности уже существующих индексов, для лингвистики она представляется сомнительной. Прежде всего, необходимо указать, что в списке индексируемых журналов Web of Science журналы по лингвистике отсутствуют! В системе Scopus включены два российских журнала и три западных по языкам народов, проживающих на территории Российской Федерации. Одновременно публикации по лингвистике в непрофильных журналах, даже с очень высоким рейтингом, таких как “Nature” и “Science”, часто вообще не соответствуют критериям научности. Помимо этого надо принимать в расчет, что значительная часть языкознания (особенно частного) национальна: о многих языках пишут только (или преимущественно) на определенных языках. Поэтому славист, финно-угровед, тюрколог, монголист и тунгусо-маньчжурист обязаны уметь читать по-русски, африканист – по-французски, а индонезист – по-голландски.

Положение предстает еще более плачевным, когда мы переходим к системе “Российский индекс научного цитирования” (РИНЦ). Во-первых, индекс Хирша, который автоматически высчитывается сейчас РИНЦ, не учитывает ссылки на монографии и в монографиях. Между тем монографии традиционно считаются для лингвистики (как в России, так и за рубежом) более важным результатом труда лингвиста, нежели статьи. В доказательной работе по лингвистике принято новые положения подтверждать репрезентативным языковым материалом, т.е. нужен довольно большой объем, а в журналах он ограничивается.

Во-вторых, сегодня в РИНЦ представлены работы за достаточно узкий период времени, фактически за последние 15 лет. В сочетании с использованием индекса Хирша, по своей сути отражающего способность ученого равномерно производить “модные” работы, это дает крайне ущербную в информационном плане картину. Тем более что для лингвистики кажется интуитивно верным принять в качестве одного из оценочных критериев такой: если работа является “живучей”, т.е. используется через 50 и более лет после написания, то она действительно важна для научного процесса. Таким образом, можно считать ценными работы “эмпирических” (“описательных”) жанров, т.е. словари, описания диалектов, описательные грамматики редких языков, исторические грамматики, большие академические грамматики. Всё это работы, в которых содержится вновь вводимый в научный оборот языковой материал. Хотя их выполнение с середины 60-х годов XX в. считается недиссертательным, но именно они – номинанты и реципиенты больших государственных и академических премий. В этом контексте показателен пример голосования в Фонде поддержки фундаментальных лингвистических исследований (ФФЛИ): за три года – с 2011-го по 2013-й – в верхний регистр при суммировании голосов шести экспертов попадали исследования именно такого (эмпирического) жанра. Подчеркнем, что перечисленные виды работ – это не статьи, а монографии. В подсчетах индекса Хирша по РИНЦ подобные работы почти не участвуют.

Помимо “эмпирических” в лингвистике существуют “теоретические” работы, часто вносящие в лингвистику новые идеи, но без существенного анализа языкового материала. Речь идет об общей лингвистике. Работы по общей лингвистике всегда выше по индексу Хирша хотя бы потому, что любая статья, публикуемая в связи с защитой диссертации, требует по регламенту так называемого теоретического введения, состоящего из ссылок на работы по общей лингвистике. В этой области очень силен критерий “научной моды”, и далеко не все направления общей лингвистики остаются востребованными по прошествии 20–30 лет. Отсюда можно вывести следующее обобщение: степень “эмпирической” обоснованности работы (в соотношении с ее “теоретической” значимостью) прямо пропорциональна ее живучести. И наоборот, чем более “теоретична” работа, тем быстрее скорость устаревания содержащихся в ней теоретических выводов (подробно эта взаимосвязь разбирается в статье А.Е. Кибрика “Типология и задачи описательной лингвистики”).

С.А. Крылов: Среди наукометрически измеримых параметров можно выделить объективно и субъективно измеримые. К первым относятся “актуальность” и “употребительность”, ко вторым – “важность”. Можно сказать, что актуальность имен – это их “модность”; употребительность – это их “знаменитость”, важность – это их “заслуженность”.

Если набор источников охватывает относительно недолгий синхронный срез (например, подборку научной прессы за такой-то год или десятилетие), их анализ даст информацию об “актуальности” предмета для данного синхронного среза. Для получения данных об “употребительности”, придется охватить как можно больше разных синхронных срезов и проинтегрировать (просуммировать) данные этих срезов. Изучить научную прессу за весь период существования данной науки (в нашем случае лингвистики) затруднительно. Однако хорошим средством наукометрической оценки употребительности является анализ “кумулятивных” текстов, т.е. общих и специальных энциклопедий, учебников по данной науке, а также ее разделам, и учебников по истории данной науки и ее разделов. Соответственно, “модность” персоналий определяется числом ссылок на них в научной прессе ограниченного периода, “знаменитость” – числом упоминаний в именных указателях к репрезентативной выборке кумулятивных текстов.

Что касается “важности” или “заслуженности” персоналий, то она может быть определена лишь путем опроса лингвистов, составляющих “экспертную группу”. Объем экспертной группы не должен быть слишком маленьким (для минимизации случайностей) или слишком большим (иначе опрос превратится в трудновыполнимую задачу). Оптимальной нам представляется численность в интервале между 20 и 50 экспертами.

Экспертную группу целесообразно формировать на основе оценки наукометрически измеримых параметров, используя для этого знаменитость персоналий (лингвистов). Для получения списка знаменитых персоналий мы, исходя из вышеупомянутого критерия, должны сделать выборку кумулятивных текстов не менее чем за 50 лет. Данный подход автоматически дает нам экспертную группу, состоящую из ученых в возрасте от 70 лет и старше. Такой группе следует, по-видимому, доверить определение “заслуженных” персоналий, а в идеале она должна также распоряжаться материальными средствами для поддержки исследований заслуженных ученых (независимо от их возрастной принадлежности).

А.В. Дыбо: Согласно предложенной схеме мы с Сергеем Александровичем провели исследование, в ходе которого из общей базы данных персоналий была выбрана “топ-группа”, состоящая из 42 лингвистов (материалы опубликованы в нашей статье “Наукометрия в лингвистике: попытка критериев”, в газете “Троицкий вариант – Наука”, № 137, 10 сентября 2013; <http://trv-science.ru/2013/09/10/naukometriya-v-lingvistike-popytka-kriteriev/>). В их число вошли только ныне живущие ученые, из них около половины иностранных и около половины отечественных. Любопытно, что эта топ-группа, как оказалось, включает в качестве подмножества весь состав членов Отделения историко-филологических наук РАН – лингвистов старше 75 лет.

Предпринятые изыскания позволяют сделать следующие выводы. Максимальное на сегодня приближение наукометрически измеримой шкалы оценок научных работ к интуитивно ощущаемому научным сообществом “гамбургскому счёту”, т.е. истинной шкале заслуженности, воспринимаемой коллективным менталитетом научного социума как “справедливая”, можно создать, опираясь на сочетание двух принципов:

- 1) кумулятивности наукометрических источников, т.е. использование вместо именных указателей к научной прессе именных указателей к энциклопедиям и учебникам;
- 2) двухступенчатости оценки, когда на первом этапе объективно измеримые параметры позволяют сформировать экспертную группу, которая на втором этапе, опираясь на субъективно измеримые параметры, оценивают качество заслуженных ученых.

В.А. Лекторский: Это крайне интересно, хотя насколько применимо все то, о чем вы говорили за пределами лингвистики – это вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения. Разведение теоретических и эмпирических работ с позиций того, как они цитируются и какова их судьба и ценность с точки зрения кратковременной популярности и последующей научной значимости, представляется мне крайне перспективным.

А.Н. Паршин: Я хотел бы начать с нескольких высказываний общего характера. Для меня проблема измерения чего бы то ни было начинается прежде всего с ответа на два вопроса: зачем измерять и как измерять. Необходимость в измерении научного творчества связана с потребностью в его оценке. Делают это давно, применяя экспертный ме-

тод. Оценка происходит в редколлегиях и программных комитетах, где принимается решение о публикации статей, об участии ученых в конференциях. У экспертного метода, конечно, есть недостатки, о них всем известно, поэтому не буду на этом останавливаться. Хочу только подчеркнуть, что, несмотря на них, он до последнего времени оставался практически единственным общепризнанным и всеупотребительным методом оценки научного творчества.

Затем началась экспансия наукометрии, которая требует переходить к формальным показателям, и здесь уже со всей остротой встает второй вопрос, т.е. вопрос о том, как именно строить измерение. С 1960-х годов, когда и родилась наукометрия, прослеживается тенденция на формализацию, затрагивающая самые разные области человеческой деятельности. Как математик я отношусь критически к намерениям что-либо формализовать. Напомню что теорема Геделя ставит принципиальные ограничения для процесса формализации, процесса нахождения истины в математической деятельности, деятельности, казалось бы, прозрачной, логичной, самой своей природой предназначенной для формализации. Конечно, сторонники формализации различных видов деятельности, возможно, полагают, что теорему Геделя можно как-то обойти.

Теперь я перейду к конкретным примерам. Для меня было огромным потрясением, я до сих пор очень хорошо это помню, когда где-то в 1970-е годы И.А. Мельчук делал доклад на заседании Московского Математического Общества. Доклад был о том, как нужно описывать язык, я бы сказал даже не описывать, а “строить” язык. Он, говоря о том, что язык это нечто огромное, нечто грандиозное, предлагал такую формальную систему, в которую весь этот язык можно “уложить”. Только для того, чтобы эту систему создать, требовались финансовые ресурсы порядка тех, которые были нужны для осуществления полета и высадки на Луну. И.А. Мельчук рассказал об одном фрагменте такой системы: имеются предметы, представляемые существительными, прилагательными. В системе должно быть “учтено”, какие прилагательные используются, “прилагаются” к данному существительному, какие действуют здесь взаимосвязи и закономерности. И вот когда он называет существительное “слово”, поднимается А.А. Марков и спрашивает: “А Вы знаете, в 1911 г. вышел футуристический сборник “Ржаное слово”?”. Мельчук развел руками, мол, что ж я буду на всякие глупости реагировать.

Зачем я это рассказываю: на мой взгляд, на взгляд математика, язык принципиально бесконечен, формализовать его нельзя, выражаемую в языке. И, следовательно, нельзя формализовать и обсчитать научную, творческую деятельность выражаемую в языке. Невозможно найти один или несколько показателей, значения которых способны дать ответ на вопрос об эффективности научного подразделения или института, чтобы достаточно было посмотреть и принять решение об их поддержке или закрытии. Такие вопросы иначе как содержательно, в спорах между коллегами не решаются. Разумеется, подобные обсуждения – процесс непростой, неоднозначный, иногда дающий сбои и чреватый другими неприятными моментами, тем более что ответы на некоторые вопросы можно получить, только опираясь на интуицию, такое понимание ситуации, которое не выражается в строгих критериях. Но это и есть живая жизнь. И научная жизнь именно такова, она не механический, раскладывающийся на составляющие и функционирующий в соответствии с немногими строгими закономерностями процесс.

Теперь по поводу того, что нам предлагают. Нам предлагают оценивать нашу деятельность неким набором чисел, в частности в этот набор чисел входят различные индексы, о которых все присутствующие знают и уже говорили. Среди ученых многие протестуют против применения библиометрических показателей, в том числе, хотя это может показаться кому-то странным, негативно относятся к такому методу оценки и математики. Пять лет назад Международный математический союз обнародовал результаты исследований, согласно которым практика использования библиометрических показателей для оценки научной деятельности в области математики негативно сказывается на последней, и вынес рекомендацию отказаться от применения библиометрии для анализа продуктивности труда ученых-математиков (см. Игра в цифры, или как теперь оценивают труд учёного. М., 2011).

Что же мы имеем в настоящее время? Я недавно провел опрос двух-трех десятков директоров, возглавляющих по всему миру научно-исследовательские институты, специализирующиеся в области математики. Это были руководители Ньютоновского института математических наук в Кембридже, Института высших научных исследований под Парижем, Института перспективных исследований в Принстоне, Института математики Общества Макса Планка, Института им. Вайцмана и других. Меня интересовала реальная научная практика в части оценки работы математиков – везде ведется постоянная административная деятельность такого рода, и я интересовался, как применяются в этих целях библиометрические показатели. И вот из 17 полученных мной ответов, только в одном говорилось, что библиометрические данные используются в качестве вспомогательных показателей, а еще три директора признались, что они не используют такие данные и, в общем, не хотели бы, но внешние силы их к этому подталкивают. Один из директоров прислал мне подробное описание того, как сегодня строят оценку научной работы в Великобритании. Я об этом кратко скажу, потому что, хотя информация общедоступна, а сама система разрабатывается уже несколько лет, в России о ней никому не известно.

Система называется Research Excellence Framework (www.ref.ac.uk) и создана для оценки достижений всех научных организаций, университетов, департаментов, лабораторий Великобритании за 2008–2013 гг. Сформированы 4 комиссии, между которыми распределены 36 направлений, 36 отраслей научного знания и соответствующих им подкомиссий. Очень любопытно, как проходит работа в рамках этого проекта: сначала публикуется первое сообщение о нем, затем первый набросок документа, после чего собирают отклики, т.е. проводится общественное обсуждение, которое продолжается два месяца, и только после этого публикуется окончательный свод правил. Все делается в высшей степени благотворительно по отношению к тем, кого должны изучать.

Основным методом аттестации выступает экспертная оценка по четырехбалльной системе. Наивысшая оценка определяется как “мировой лидер”, далее идут “соответствуют мировому уровню”, “принят в мире”, и наконец, самая низшая позиция, “национальный уровень”. Какие-то работы помечаются как “не подходящие для рассмотрения”.

Хочу обратить ваше внимание – это очень важный факт, что во всех областях научного знания (не только в математике или, скажем, гуманитарной науке) и, соответственно, при работе всех комиссий, когда оцениваются отдельные публикации, запрещается учитывать импакт-фактор журналов, в которых они опубликованы. Причина в том, что импакт-фактор считается инструментом коммерции, но не оценки науки.

Что касается учета остальных библиометрических показателей, то в зависимости от комиссии правила несколько различаются. Подкомиссии, входящие в первый блок, ориентированные на биологические, медицинские, сельскохозяйственные науки, используют показатели цитируемости при их наличии и только в случае, если такое использование признается уместным. При этом они рассматриваются как позитивные показатели научной значимости, но не как основной параметр для формирования оценки, а только как один из принимаемых во внимание.

Часть подкомиссий, входящих во второй блок, а именно оценивающие результаты научной деятельности в области физики, химии, наук о Земле и информатики, применяют данные по цитированию работ в качестве одного из показателей научной значимости, полагая, что в соответствующих дисциплинарных областях практика использования библиометрических сведений достаточно отработана. Подкомиссии, ориентированные на исследование математики, металлургии и материаловедения, химических технологий, авиа- и машиностроения, электроники и общинженерных дисциплин, наоборот, полагают, что базы данных по цитированию в этих областях плохо разработаны и не позволяют получить сбалансированную и надежную информацию. Существенно, что во **всех случаях** отсутствие библиометрических сведений не интерпретируется как отсутствие научной значимости, т.е. их отсутствие не должно влиять на итоговую оценку.

В третьей комиссии – архитектура, география, социология, право, образование, политика – библиометрические показатели вообще не рассматриваются. В подкомиссию, оценивающую научную результативность ученых-экономистов, библиометрические сведе-

ния должны быть предоставлены, но их будут применять только при необходимости, а не в обязательном порядке. И главное, так же как и в ранее названных комиссиях, отсутствие соответствующих данных не будет автоматически фиксироваться как отрицательная характеристика.

Наконец, в работе четвертой комиссии, анализирующей научную деятельность в области истории, филологии, философии, религиоведения, региональных исследований, библиометрические данные вообще не будут учитываться при анализе. Другими словами при оценке гуманитарных наук обращаться к наукометрии запрещено.

Итак, что мне нравится в описанной системе оценки научного труда и научного творчества? Во-первых, повторюсь, ни в одной подкомиссии отсутствие библиометрических данных не интерпретируется как отсутствие научной значимости. Во-вторых, выборка производится таким образом, что каждое учреждение само решает, какие работы сотрудников подавать. В процедуре аттестации не обязательно участвовать всем сотрудникам, и предоставляются не все работы каждого ученого, а только четыре, которые учреждение считает лучшими. В-третьих, для оценки рассматривают целый ряд дополнительных факторов. В-четвертых, возвращаясь к отсутствию импакт-фактора журналов в качестве одного из параметров, должен отметить, что на предыдущем этапе оценки импакт-факторы журналов учитывались при составлении рейтингов. Почему сегодня от этого отказались? Потому что проверяющим комиссиям на необходимость исключить этот показатель из рассмотрения указал Комитет по науке и технологиям Палаты общин Парламента Великобритании. Насколько мне известно, решение Комитета было мотивировано широким общественным обсуждением и сформировавшимся в итоге негативным мнением по вопросу использования импакт-фактора в качестве одного из параметров оценки. Такое неприятие было обусловлено очень простой мыслью: неважно, где опубликовано, важно, что опубликовано.

Теперь сравним описанную процедуру оценки, разрабатываемую в последние годы в Великобритании с тем, что происходит сегодня в России. У нас тоже объявили конкурс на разработку подобной системы научного мониторинга под названием “Карта российской науки”. Нашли фирму, почти год она проработала, и получилось хуже некуда. Одновременно каждый из нас уже столкнулся с необходимостью заполнять анкеты, в которых надо указывать значения большого количества библиометрических показателей. И при этом выясняется – мои коллеги с этим столкнулись – что в различных базах данных значения показателей могут отличаться в несколько раз! Как быть ученому в такой ситуации?

Мне представляется, наше положение сейчас подобно тому, что пережила средняя школа в период введения Единого государственного экзамена. Мы должны не так, как тогда, говорить по существу, не идти на компромиссы, а предъявлять максимальные требования. С надеждой, что хотя бы часть из них будет выполнена.

А.Л. Никифоров: Видимо, надо отвергать все эти показатели и точка. Но мы сами поддаемся. Хочешь, не хочешь, а приходится.

А.Н. Паршин: Не поддавайтесь. Бюро Отделения математики РАН приняло постановление, в котором заявило, что считает абсолютно неприемлемым использование библиометрических показателей для оценки научной деятельности в области математики. Я только что выступал на бюро Отделения химии и наук о материалах – они полностью эту точку зрения поддержали. У них, правда, немного другая ситуация. Они примут сегодня постановление о том, что нельзя использовать импакт-фактор, а остальные библиометрические показатели можно использовать как вспомогательные. Первичная оценка должна быть содержательной, т.е. даваться экспертами, и только когда нельзя принять решение на основе содержательной оценки, тогда обращаться к библиометрии. Такое случается: чтобы выбрать одну из двух равных по качеству работ, можно посмотреть, на какую больше ссылаются.

А.Л. Никифоров: При получении грантов это тоже будет учитываться?

А.В. Дыбо: Я сегодня сидела с экспертизой заявок в РГНФ и проверяла, сколько баллов прибавляют различные пункты этой анкеты. Так вот: один балл прибавляет наличие

статей в рейтинговых журналах, хотя также требуется содержательный экспертный отзыв. Два балла прибавляет наличие в составе исполнителей людей до 35 лет.

А.Ф. Яковлева: Я хотела бы остановиться на проблеме восприятия и трансформации научного творчества в связи с его оценкой. Индекс цитирования – это технология, цель которой изначально состояла не в необходимости оценивать работу научных организаций, а в том, чтобы выяснить, кто, кого и с какой частотой цитирует в сотнях тысяч научных публикаций. Эта задача представляла серьезный интерес с точки зрения выявления связей между учеными, обнаружения сетевого принципа их взаимодействия.

Сегодня мы, представители научного сообщества, оказались в условиях, определяемых трансформировавшимися целями индексов цитирования, изменение которых произошло под воздействием финансово-экономических факторов. Такие транснациональные корпорации, а именно так их можно назвать, например, Thomson Reuters (Web of Science, Web of Knowledge), Elsevier (Scopus), являющиеся коммерческими структурами и преследуют цели получения прибыли. Недавно на конференции, посвященной вопросам развития библиотечного дела и наукометрии, я имела возможность услышать, как люди, которые никогда не работали в науке, никогда не занимались научным трудом, рассказывают о том, из чего состоит научный процесс. Так, одна представительница топ-менеджмента российского филиала компании Elsevier говорила о том, из каких этапов может состоять научная работа: исследователь сделал выборку по какой-либо теме из базы публикаций, сориентировался по цитированиям, прочитал, сделал выводы и написал свою статью. Задачей ученого, по ее словам, выступает “правильная” организация процесса научного творчества: больше прочитать, переработать... И это они считают научным результатом. То, что в научной среде называется реферированием, владельцы индексов цитирования считают написанием научной работы.

В профессиональный лексикон представителей индексов цитирования даже вошло новое понятие – “бренд ученого”, “качественность” которого зависит от “узнаваемости” ученого в общей системе координат научного мира через применение инструментария цитируемости. Таким образом, стремление исследователя к тому, чтобы повысить количество публикаций и цитирований, безусловно, очень выгодно всем системам научного цитирования. Эти системы являются не только средством анализа научного продукта с целью выявить различные связи между учеными, научными направлениями и т.д., но и инструментом, с помощью которого пытаются оказать влияние на то, какие научные направления и темы считать наиболее перспективными и приоритетными для развития мировой науки. Больше публикаций, больше цитирований, однако где здесь место научному творчеству? Это уже сам по себе факт формализации, который к научному творчеству имеет опосредованное отношение.

Существует и другая опасная тенденция. Любая организация и любая методика должны развиваться. Около 50 лет системы индексов цитирования развивали уже разработанную ими технологию. Однако со временем возникла необходимость в новом инструментарии, который не сводился бы к простому подсчету цитирований. Как бывают “проблемы роста” организации, так бывают и “проблемы роста” методик. Со временем они теряют тот смысл, ради которого создавались, так как в процессе происходит изменение цели. Сегодня в системах индексов цитирования разрабатываются количественные методы и способы формирования самых разнообразных “облаков” индексов, нацеленные на сравнение статей ученых и организаций не из одной сферы знания, а из принципиально разных предметных областей. Иными словами, сравниваются между собой совершенно различные сферы, например, философия и геология. При этом предполагается, что таким образом можно выявить “победителя” в споре, какая научная дисциплина более продуктивна. Это означает, что в системах индексов берется суммарный объем цитирований по отношению к среднему цитированию в определенной предметной области и суммарный объем цитирования автора по отношению к среднему цитированию в журнале. Это якобы позволяет сравнивать статьи и выявлять наиболее “эффективных”, высокочитруемых исследователей, ставить их рядом и говорить, что некий математик лучше некоего филолога. И даже оценивать, насколько эффективен автор по отношению к журналу, в котором он публику-

ется. Также предлагается при формировании рейтингов дополнительно к количеству цитирований брать в расчет и количество просмотров статей.

В начале нашего круглого стола В.А. Лекторский говорил о том, что есть наука, которая производит технологию, в результате чего получается технаука. Научное творчество само должно рождать технологию. В контексте того, о чем я говорила, получается, что происходит обратный, можно сказать, абсурдный процесс: не наука порождает технологию, а технология – науку. Юджин Гарфилд, который и придумал индекс цитирования, был не слишком успешен в своей науке. Возможно, поэтому он решил попробовать прочесть всё, что написано в этой сфере. Таким образом, он начал накапливать информацию в некоторой области науки и сформировал первую базу данных. На тот момент такой подход естественным образом соответствовал сформулированной цели: узнать, кто, кого и с какой частотой цитирует. Однако впоследствии цель изменилась: индексы цитирования стали применять для оценки научной состоятельности отдельных ученых и организаций, научных направлений и даже науки в целом. Методика, приспособленная для достижения первой цели, стала применяться для достижения второй. А научное творчество не сводимо к вопросам “как сделать так, чтобы нас цитировали?”, “что уже было написано по исследуемой мной проблеме?”, “кто из исследователей этой проблемы наиболее авторитетен?” и т.д.

В последнее время научное сообщество возмущено новым проектом под названием “Карта российской науки”, тестовую версию которого обнародовало Министерство образования и науки (об этом упоминал в своем докладе и А.Н. Паршин). В этой, да и других российских системах, не учитывается даже тот факт, что у международных журналов гуманитарного профиля в большинстве своем нет импакт-факторов (это подтверждают и сами представители Thomson Reuters). Система, содержащая, мягко говоря, неverified данные о российских ученых и научных организациях, демонстрирует одно – желание полностью свести понятие научного творчества к результату, а ученого определить как человека, который выдает “эффективные и полезные” научные результаты. В связи с этим коротко скажу о еще одном немаловажном аспекте этой проблемы.

Сведение науки к технологии, а творчества к формализации естественным образом заставляет сфокусироваться на философской стороне вопроса о том, что считать полезным результатом научной деятельности? В данном контексте польза фактически принимается в качестве ценностной ориентации, сводимой к понятиям “успех” (достижение результатов, близких к запрограммированным в качестве цели) и “эффективность” (достижение результатов с наименьшими затратами). Однако “принятие пользы в качестве ценностной ориентации порождает серьезные нравственные противоречия в том случае, когда она трактуется как благо вообще или как моральное добро” (<http://iph.ras.ru/elib/2363.html>). Здесь уже говорилось о том, что в античности деятельность, которая носила вынужденный, полезный, необходимый характер, приравнивалась к несвободной, рабской деятельности. А научное творчество приравнивалось к форме свободного труда. Сегодня такая ориентация на полезность позволяет нам говорить об опасной тенденции, которая ведет к усилению “принуждения” в самом научном творчестве, росту степени необходимости, а значит, излишней объективации научной деятельности.

Подчеркну еще раз, что естественный процесс развития науки, научного творчества стал превращаться в искусственно конструируемый (что подтверждают вышеприведенные методики). С изменением цели технология, которая должна была всего лишь ответить на вопрос, кто, кого и с какой частотой цитирует, сама стала влиять на развитие науки, игнорируя тот факт, что наука по своей сути является свободной и творчески развивающейся областью, носящей поисковый характер.

А.Н. Паршин: Мы всегда были субъектами, а не объектами научной работы.

А.В. Дыбо: Можно, я расскажу, как попасть в базу Scopus. Я являюсь главным редактором журнала “Урало-алтайские исследования”. Мой заместитель, очень активная девушка, молодой доктор, старается всячески продвигать журнал. В какой-то момент она решила, что нам нужно попасть в Scopus. И попали мы в него раньше, чем в ВАКовский список. Требования общеизвестны: резюме и ключевые слова на английском, некоторые

статьи на английском. Послали им, пришел ответ: у вас должна быть транслитерация всех библиографических списков латиницей. Существенно, что это требование, связанное с работой поисковых систем, уже устарело! Мы спорить не стали, выполнили их требование и все. Несомненно, содержательная экспертиза статей и даже ссылок там не проводилась.

И.В. Усольцева: Я хотела бы сказать несколько слов в противовес той точке зрения, которая здесь высказывалась, несмотря на то, что признаю ориентацию на индекс цитирования и на импакт-фактор опасной тенденцией для науки. Но, например, как я могу узнать, работая над какой-то междисциплинарной проблемой, на мнение каких специалистов из других дисциплинарных областей можно опираться, чье мнение мне необходимо знать и учитывать? Я лично знаю человека, чей индекс Хирша более 10. Должна сказать, что в соответствии с вашими представлениями он не соответствует своему индексу и своему статусу. Не соглашусь. Мне кажется, тут нужно разводить две проблемы. Одна – когда индекс цитирования делается инструментом для прессинга научного творчества и научных организаций, и совсем другая – когда он является всего лишь инструментом для того, чтобы лучше ориентироваться, например, в междисциплинарной тематике. Об этом не стоит забывать, потому что мы вместе с водой можем выплеснуть ребенка. Мы сопротивляемся индексу цитирования, но если человек предлагает интересные идеи, они подхватываются другими, и это отражается в индексе цитирования. И как представитель смежной науки, я познакомлюсь с его идеями. Простите, я не вижу, почему это плохо.

А.В. Дыбо: Это опасный путь. Например, в свое время я сотрудничала с генетиками и могу сказать: если вы будете искать наиболее цитируемые работы, которые занимаются связью генетических расстояний по ДНК различного рода с лингвистическими расстояниями между языками, то наиболее цитируемыми оказываются исследования, научная ценность которых вызывает большие сомнения.

И.В. Усольцева: Тогда возникает вопрос к нам: почему мы цитируем некачественные, противоречащие установленным фактам и принятой методологии научных исследований статьи. Я психолог, я открываю зарубежную статью. Она совершенно иначе написана по сравнению с отечественной статьей по психологии. Я понимаю, почему зарубежные исследователи такое большое значение придают индексу цитирования: у них ссылочка на авторитеты не более двух абзацев. У нас же пока всех не упомянут, до результатов не дойдут. И это проблема. Я бы рада рассказать идеи свои, но мою статью не примут, пока я не перечислю всех редакторов журнала. Это большая проблема, непосредственно связанная с индексом цитирования.

В.А. Лекторский: Не во всех дисциплинах дело обстоит таким образом.

А.Л. Никифоров: Если нужно в другой области найти специалиста, вы не будете смотреть на индекс цитирования. Вы поговорите с людьми, которые работают в этой области, спросите, кто в интересующей вас проблематике лучше разбирается. И на такое мнение можно полагаться.

И.В. Усольцева: В психологии как минимум две конкурирующие школы – московская и ленинградская. Спросите ленинградца – он ни одного москвича не назовет и наоборот.

В.А. Лекторский: Так принимайте это во внимание.

И.В. Усольцева: По поводу классиков – вопросов нет. А по поводу того, кто пишет и работает сейчас, их статьи могут быть интересны для исследовательской работы.

А.Ф. Яковлева: Мы должны разводить две вещи: наличие инструмента, а также возможность разработки каких-то новых инструментов и отношение к этому инструменту как к единственному возможному способу оценить научный труд. Здесь дело даже не в прессинге, а в желании понять, насколько то или иное исследование интересно, что оно действительно внесло в науку.

А.Н. Паришин: В моем институте недавно была переаттестация. У нас есть человек, который почти ничего не пишет. Можно подумать, что ему нечего сказать. Когда ввели ПРНД – там ведь есть пункт “публикации” и пункт “конференции” – он получил максимальное число баллов по анкете в целом именно потому, что его приглашали на множество конференций. Возможно, это уж крайне необычный случай, но надо все-таки принимать во внимание, что существуют разные типы научных работников. Есть люди, которые

работают по актуальным проблемам, где постоянно идет приращение результатов, и публикуют статью за статьей. А есть люди, которые много думают, редактируют долго. Библиометрика нивелирует всех под ноль. И это плохо.

И.В. Усольцева: Я хотела подчеркнуть, что у того же индекса цитирования может быть разное применение. Коллеги озвучили, что идет разработка новых показателей наукометрических оценок. Так, давайте, если имеющиеся показатели нас не устраивают, предложим что-то другое, а не просто будем критиковать то, что есть.

А.Н. Паришин: Боюсь, мы не успеем предложить. А если и успеем, то наше мнение выслушают, но в расчет не примут.

Е.О. Труфанова: Я бы хотела прежде всего продолжить дискуссию, которая развернулась здесь относительно индексов цитирования – действительно, это сейчас одна из наиболее острых тем. По долгу службы, в связи с мониторингом диссертационных советов, проводимым ВАК, я в последнее время вынуждена была активно пользоваться базой РИНЦ. И рассматривая ученых, обладающих высоким индексом Хирша, я провела некоторый анализ того, на каких статьях “зарабатываются” эти индексы. Есть известный казус, касающийся того, что РИНЦ учитывает переводчика текста в качестве соавтора, и таким образом цитирование переводных текстов автоматически повышает индекс цитируемости переводчика, но это скорее вопрос технического несовершенства системы. Есть и другие моменты. Во-первых, чем более популярен журнал, чем выше его тираж, тем чаще статьи оттуда будут цитироваться. Таким образом, автор, который публикуется в журналах, выходящих небольшим тиражом, пусть даже и рецензируемых, находится в заведомо невыгодном положении относительно возможности повышения индекса Хирша.

Во-вторых, цитируемость тем выше, чем более популярной является та или иная тема (при написании статьи необходимо сделать ряд “ритуальных” ссылок на тех, кто уже изучал исследуемую проблему, следовательно, наиболее популярная тема будет наверху списка наиболее цитируемых работ). Такие популярные темы, к сожалению, не всегда представляют научную ценность. Сегодня в дискуссии уже упоминались некоторые популярные работы по генетике, которые на проверку оказывались, скажем так, не вполне качественными с профессиональной точки зрения, однако активно цитировались. На разных этапах развития науки периодически возникают темы, научная значимость которых в результате проверки временем оказывается сомнительной, однако это может быть установлено только в долгосрочном периоде. “Отсев” подобных сомнительных научных тем часто происходит с опозданием, и в итоге в определенные периоды мы можем встретить вал научных публикаций и, следовательно, цитирований, в том числе и в серьезных журналах, на тему, которая спустя десять лет будет признана неактуальной или даже лженаучной. Вспомните, к примеру, про торсионные поля. И авторы, которые писали на подобные темы, внезапно становились высоко цитируемыми.

В-третьих, наиболее цитируемыми являются публикации, освещающие широкие темы. Если вы пишете в статье обо всем сразу – у вас больше шансов стать высоко цитируемым автором, тогда как узкопрофессиональные статьи будут собирать 1–2 ссылки максимум.

Далее я хотела бы перейти от проблемы наукометрической оценки научного творчества к проблеме восприятия труда ученого глазами обывателя. Общественная риторика последнего времени наполнена критикой отечественных ученых за недостаточное количество открытий. Возникает вопрос: можно ли совершать открытия “на заказ”? Сразу вспоминается плакат из фильма “Девять дней одного года”: “Откроем новую частицу в текущем квартале!”. Казалось бы, любой здравомыслящий человек воспримет это как шутку. Однако от ученого постоянно требуют “открытий”. Это связано с традиционным, почти литературным образом ученого, идущим из классической науки, и в глазах общества, если ученый не производит регулярных “открытий”, то он неэффективен. При составлении планов на будущие исследования или при простой обывательской оценке учитывается (пусть и негласно) именно этот результат. Есть “открытия” – есть наука. Ну, а если нет...

Проблема в том, что под “открытиями” обычно понимаются только эпохальные: формулировка законов классической механики (Ньютон) или электромагнитной индукции

(Фарадей), “открытие” Америки (Колумб), эволюционной теории (Дарвин) или уж, по крайней мере, как символ современной науки – “открытие” бозона Хиггса (возможно, произошедшее в 2012 г., в рамках экспериментов ATLAS и CMS, а возможно, и нет). Научный результат, представленный в виде “открытия” с точки зрения общества должен быть прозрачен и если не его суть, то его значимость должна быть понятна любому. Проблема, однако, состоит в том, что чем более специализированной становится наука, тем более узкоспециализированными становятся открытия: настолько, что их значимость зачастую непонятна никому, кроме узкого круга представителей данной специальности.

“Больших” открытий всегда было мало, но с развитием науки они как будто совершаются все реже. Поэтому может возникнуть ощущение, что современные ученые не совершают “открытий”. И неизбежно звучит вопрос: а если они не совершают открытий, то зачем же они вообще нужны? Так, например, П.Л. Капица в своей “Записке о чистой науке” 1935 г. заявлял, что для равномерного развития науки на весь Советский Союз необходимо иметь всего 10–15 “чистых ученых”. Они и будут заниматься фундаментальной наукой и им будут создаваться индивидуальные условия и предоставляться автономия их деятельности (поскольку таких “чистых ученых”, способных на важные открытия в каждый исторический период в каждой стране крайне немного). И значительно большее количество ученых-прикладников должно заниматься насущными проблемами. Однако данная точка зрения не учитывает того факта, что “открытия”, как правило, не совершаются “в пустоте” – совершаемое одним ученым “открытие” практически невозможно без “питательной среды” научного сообщества, и в каком-то смысле является достижением всей науки в целом.

В научном творчестве важную роль играет дискуссия, столкновение мнений, поэтому значимо творчество не только тех, кто совершает открытия, но и тех, кто лишь подготавливает фон для него. И потому предложение Капицы о “штучных” “чистых ученых”, опирающееся на некое представление о “гениях”, способных в одиночку творить фундаментальную науку, представляется не вполне адекватным.

Проблема, однако, состоит в том, как мы определяем “открытие”. Если пользоваться представлением об идеалах науки Ф. Бэкона, то “открытие” должно означать “открытие законов природы”. С конструктивистской точки зрения мы ничего не открываем, мы лишь создаем приемлемые способы описания тех или иных природных процессов. Однако если в науках о природе с этой позицией можно поспорить, то остается вопрос: можем ли мы говорить об “открытии” законов общественного развития или об “открытии” законов человеческого бытия? Что такое открытие в социально-гуманитарных науках? Историк может “открыть” (найти) древний манускрипт, но его научная задача состоит в том, чтобы понять его, “встроить” в систему уже известных исторических данных, дать интерпретацию. И именно эта интерпретация уже и будет его научным результатом. Трудность заключается в том, что оценить этот научный результат, в отличие от громкого и всем понятного “открытия”, могут лишь специалисты. Что придаст вес этому результату, сделает его ценным? Во-первых, несомненно, новизна. Новизна, собственно, и составляет суть “открытия”. Однако новаторская интерпретация некоторого исторического события необязательно будет ценной, она может оказаться попросту антинаучной или же фантастической, если не будет аргументированной. Аргументами выступают не только конкретные исторические факты и свидетельства, но и то, как ученый связывает их воедино. Чем более убедительно ученый аргументирует свою интерпретацию, тем выше научное сообщество оценит этот результат. Таким образом, задача ученого-гуманитария (да и не только гуманитария) – убедить других специалистов в своей области, что его точка зрения не просто жизнеспособна, но еще и дает новый взгляд на предмет, взгляд, обогащающий науку в целом.

В философии, пожалуй, именно такая оценка выражена в наиболее чистом виде. Сделать “открытие” тайны человеческого бытия, природы этического закона, сущности человеческого познания представляется принципиально невозможным. Тем не менее, это вовсе не обесценивает результат работы философов (хотя кто-то может спросить: если невозможно решить проблему окончательно, то зачем ее решать?), что доказывается исто-

рией философии. Если бы попытки решения данных вопросов были бессмысленными, то почему один философ оставался в истории, а другой исчезал бесследно? Кант очевидно не был единственным профессором философии в Кенигсберге, и тем не менее мы вспоминаем только о нем. Можем ли мы считать, что он совершил “открытие”, например, трансцендентального единства апперцепции или категорического императива? С точки зрения классического представления об “открытии” – разумеется, нет. Так почему же Кант важен, а какой-нибудь его коллега – назовем его, например, профессор Вайс – который тоже читал студентам лекции и тоже занимался проблемами метафизики – канул в Лету? Почему результат творчества одного значим, а на результат творчества другого никто не обратил внимания? Потому что Кант опубликовал больше работ, а Вайс меньше? Вряд ли. Вероятно потому, что Кант лучше других своих современников смог высказать то, что составляло суть мышления эпохи: он смог поставить наиболее важные вопросы и дать на них релевантные ответы. Таким образом, значимость результата его научного творчества оценивалась по тому критерию, что он, привнося в философию новизну, смог убедить многих других мыслителей в том, что эта новизна была необходима. И даже споры с его позицией явились только подтверждением ее важности и актуальности, тогда как наш воображаемый профессор Вайс мог всю жизнь писать вполне взвешенные трактаты, скажем, в картезианском духе, возможно даже ценимые коллегами как высокопрофессиональные (и может даже цитируемые), но они не служили дальнейшему развитию философии. Кант не совершил “открытия” (в классическом смысле) новых законов теории познания, что не мешало ему совершить “кантовский переворот”.

Наука развивается не столько “открытиями” (ведь “открытие” подразумевает, по сути, нахождение чего-то уже существующего), сколько путем творчества, то есть создания чего-то нового: новых способов описания и понимания различных областей бытия. И оценить значимость этого новаторства может (по крайней мере, на первых порах) лишь экспертное сообщество, в которое входят люди, хорошо знакомые с данной областью исследований и сами занятые работой по этой проблематике. Причем ценность большинства новых идей проверяется лишь временем, и потому за короткий период они могут не быть оценены с достаточной адекватностью. Абдусалам Абдулкеримович в своем выступлении уже говорил о том, как работы некоторых философов оценивались спустя столетия. И это происходило не только в философии, но и в естественных науках. Так, то, что мы сейчас расцениваем как великие открытия, в свое время могло восприниматься как нечто несущественное.

Завершая, я хочу вернуться к вопросу о наукометрии. Как я уже попыталась продемонстрировать в начале своего выступления, наукометрические системы, связанные с подсчетом цитирования не говорят о научной значимости процитированного текста ничего, кроме того, насколько популярен определенный журнал и затрагиваемая автором тема. Узкоспециализированные статьи редко бывают высокоцитируемыми, что опять же не является показателем их незначительности. Напротив, возможно именно эти узкопрофессиональные (но низкоцитируемые) области и смогут стать платформой для новых “открытий”, которых так требует от ученого общество.

С.В. Пирожкова: Тема, которую мне хотелось бы поднять, относится не столько к проблеме возможности измерения научного творчества – потому что, во-первых, по факту его уже измеряют и, во-вторых, о том, насколько нерепрезентативным является это измерение, сказано и написано довольно много. Меня, как и Александру Федоровну, интересует вопрос о влиянии существующей практики оценки на процесс научного творчества, в частности на возможности реализации научной дискуссии.

Владислав Александрович уже упоминал, что философы, стоявшие у истоков формирования новоевропейской научной традиции, т.е. той традиции, в рамках которой работают все участники сегодняшнего обсуждения, пытались обнаружить некие алгоритмы открытия нового знания. При этом, создавая свои учения о методе, Бэкон и Декарт делали это не из праздного интереса, а по причине того огромнейшего значения, которое искомым правильным методом должен был сыграть в развитии человечества. Научное знание как таковое и его плоды есть то, что определяет будущее общества, суля ему счастье и благо-

денствие. Поэтому надо сделать все возможное, чтобы деятельность ученых стала эффективнее.

Однако развитие рефлексии над научным познанием привело к выводу, также сегодня уже озвученному Владиславом Александровичем: алгоритма научного открытия не существует. С одной стороны, казалось бы, невозможность отыскать универсальный путь приращения знания ослабляет позиции науки, однако, с другой, он открывает пространство для научного творчества. В рамках парадигмы “правильного метода” ученый ограничен определенным набором норм и предписаний. Но если вопрос о научности меняет свою формулировку и акцент делается не на получении, а на обосновании знания, требуется не следование по уже найденному правильному пути, а постоянный поиск такого пути.

В соответствии с этим изменением общего представления о научной деятельности приходится иначе подходить и к вопросу о её эффективности и условиях обеспечения этой эффективности. Разумеется, первым условием оказывается способность ученых мыслить и действовать нетрафаретно, нестандартно подходить к проблеме, разрабатывать новые методологические приемы и подходы, формулировать теории, создавая при этом новые теоретические объекты и придумывая подчас удивительные и необычные мысленные эксперименты, конструировать хитроумные искусственные ситуации, тем самым эмпирически проверяя свои предположения. Эмпирическая проверка, собственно, выступает вторым необходимым условием развития науки и получения знания. Наконец, третьим условием, фактором, выступающим наравне с эмпирической проверкой двигателем научного прогресса, является, на мой взгляд, традиция критической дискуссии.

Для гуманитарного знания критическая дискуссия становится важнейшим условием развития. Если в естественных и технических науках кажется очевидным примат опытной (экспериментальной или практической) апробации научного знания над любыми внутринаучными спорами, то в рамках гуманитарного знания именно дискуссия выходит на первый план, подчас выполняя роль опыта, т.е. становясь полем апробации гуманитарного знания.

В действительности, и в опытных науках дискуссия и критика всегда идут рука об руку с эмпирической проверкой. Уже на самом раннем этапе они включаются в исследовательскую деятельность в форме самокритики и виртуальной дискуссии с воображаемым или реально существующим оппонентом. Способность сомневаться, задавать себе вопросы, перепроверять полученные результаты – не просто важнейшие стимулы, но необходимые условия плодотворного научного изыскания.

Вынесение полученных результатов экспериментального исследования, разработанных гипотез и теорий на обсуждение группы ученых, будь то постоянно действующий коллектив научного подразделения, участники созданной по некоторой проблеме конференции или научное сообщество в целом (что предполагается, например, при публикации материалов в междисциплинарных изданиях или их презентации на широких по тематике конференциях), является следующим и наиболее важным этапом критического обсуждения. Применительно к проблеме научного творчества этот этап важен в двух аспектах: в аспекте индивидуального творчества и того, что можно назвать творчеством коллективным, – сотворчества некоторого числа ученых. В этом смысле дискуссию можно рассматривать как этап научного творчества.

Следовательно, можно заключить: чтобы повысить эффективность научной работы, надо, во-первых, создать предпосылки для творческой деятельности отдельного ученого и научного коллектива – обеспечить свободу этой деятельности, благоприятные условия, позволяющие заниматься ею, не отвлекаясь на посторонние, не относящиеся к выполнению научной задачи вещи, предоставлять требуемые ресурсы. Во-вторых, нужно способствовать формированию благоприятной для возникновения и ведения научной дискуссии среды, ибо чем плодотворнее дискуссия, тем больше шансов получить прорывные результаты.

Теперь зададимся вопросом, что предлагает нам стратегия развития науки, в рамках которой используются библиометрические измерения. Прежде всего, надо сказать, что наукометрия переключает внимание менеджера в сфере науки с собственно научно-

го творчества на публикационную активность. Из-за этого усилия руководителей научного процесса смещаются с задачи стимулирования творческого начала научного работника и обеспечения творческой атмосферы в коллективе на задачу повышения публикационной продуктивности. Публикации в периодических изданиях превращаются из средства – причем одного из – презентации результатов исследования и, следовательно, способа открыть дискуссию по теме в самоцель. В принципе при оптимально функционирующей системе и наличии электронных периодических изданий можно было бы сказать, что это надуманная проблема: надо продолжать заниматься научным творчеством, повышать его продуктивность, а публикации будут автоматически отображать этот процесс.

В действительности любой творческий процесс представляет собой не поступательное движение вперед, а совокупность периодов, отличающихся получением большого количества важных результатов, и периодов, предшествующих и последующих за такими этапами изобилия плодов и их сбора. История науки дает множество примеров того, как многолетние бесплодные поиски, причем ведущиеся не одним исследователем, приводят к удивительным открытиям. Недостаточно просто поставить вопрос – хотя уже формулировка проблемы требует творческих усилий, а порой и большого труда – нужно время для аккумуляции творческих сил, сбора данных, их тщательной проверки, формирования гипотез, создания специальной техники. Отсюда следует, что, по крайней мере, фиксирование публикационной активности с шагом в один год игнорирует собственно творческую природу научной деятельности. Это первый момент.

Второе осложнение связано с содержанием библиометрических показателей. Помимо простого количества публикаций важнейшим параметром выступает число цитирований отдельного ученого или научного коллектива. Естественно, даже при наличии статей, фиксирующих работу на всех этапах научного исследования, предшествующих получению качественно нового знания, эти работы будут иметь более низкие значения цитируемости, чем те, в которых излагаются результаты, претендующие на статус научного открытия. Значимая научная новизна не является чем-то, достигаемым в каждом отдельном исследовании, чаще это результат длительного труда. Таким образом, даже если ученый терпеливо описывает все этапы и публикует эти описания, он не застрахован от низких значений цитирования своих работ. Традиция ссылаться на все предшествующие статьи, отражающие изучение данного вопроса, может не спасти положение, во-первых, поскольку сослаться на всех коллег невозможно, во-вторых, проблема, над которой работает исследователь или группа исследователей может иметь достаточно специфический характер, что, особенно на стадии промежуточных результатов, не будет способствовать высоким значениям цитируемости.

Измерение цитируемости ведет к еще одной опасности, имеющей не менее серьезные последствия, чем переключение внимания с научного творчества на представление его результатов в периодической литературе. Казалось бы, одной из функций цитирования является реализация научной дискуссии, ведь ученый предоставляет слово не только тем, чьи результаты подтверждают его собственные, но и пытается опровергнуть тех, кого можно назвать оппонентами. Однако ряд авторов отмечает, что это далеко не так. Наука социально институционализирована, и помимо чистого познавательного интереса учеными руководят и соображения иного рода – карьерный рост, признание в сообществе, но самое главное – возможность продолжать научные исследования. В условиях преобладания грантовой системы финансирования и под пристальным оком наукометрии ученому часто не до ведения научной дискуссии, его больше заботит, как в наиболее выигрышном свете представить свою работу и работу своих непосредственных коллег, когда речь идет о корпоративном интересе. Это побуждение приводит к тому, что ссылки и цитирования делаются на ученых, принадлежащих к тем же, что и автор, исследовательской группе и научному учреждению, а ученых из конкурирующей организации стараются либо упоминать в минимальном объеме, либо вообще не упоминать. Это уже прямо противоречит принципам научной дискуссии. Конечно, в действительности отсутствие упоминаний может никак не влиять на факт знакомства с работами конкурентов и скрытой полемики с ними,

но подобный уход дискуссии в “подполье” и необходимость читать между строчек, чтобы схватить ее содержание, негативно сказываются на развитии научных исследований.

Сама проблема конкуренции не идей, а ученых и коллективов, не нова и яркий пример ее исследования и обсуждения дает полемика между сторонниками К. Поппера и Т. Куна. Опираясь на итоги этой полемики, можно сказать, что каждая точка зрения и, соответственно, каждая из двух стратегий исследования научной деятельности регрессивна в своей радикальности: абсолютизация познавательного интереса, с одной стороны, или социального – с другой, равно загоняют науку, человека, ее творящего, как и человека, ее исследующего, в тупик. Тем не менее, я считаю, что если наука развивается благодаря “человеческим страстям”, ведущее место здесь принадлежит – и должно принадлежать – страсти к познанию, а не желанию обойти конкурента. Поэтому если доминирующая ныне стратегия обеспечения и оценки научной деятельности выносит на первый план конкуренцию ученых, а не конкуренцию их теорий и идей, это может быть чревато крайне негативными последствиями именно для той эффективности и продуктивности, которую пытаются измерить и стимулировать. Люди должны и будут конкурировать, их не надо в этом поощрять. Каждый из двух молодых амбициозных ученых, работающих над одной темой, естественно будет стремиться преуспеть и превзойти соперника, и такая ситуация может ускорить развитие научных исследований в данной области. Но возможна и ситуация, когда конкуренции недостаточно для прорыва, она требует консолидации, объединения усилий, спора, в рамках которого каждая сторона готова к изменению своей позиции, поскольку цель не сохранить собственный статус-кво, а продвинуть вперед научное исследование. Поэтому именно эту составляющую научной деятельности следует акцентировать и стимулировать.

У меня нет сомнений, что библиометрические исследования позволяют получать значимые сведения, но их претензия на то, чтобы доминировать над содержательным изучением (которое дает деятельность экспертов), не может трактоваться иначе, как чудовищная ошибка. Наукометрический подход к оценке деятельности ученого накладывает ряд формальных ограничений, не стимулирующих ни научное творчество, ни здоровую конкуренцию как его составляющую. Более того, стремление достичь высоких показателей, обусловленное условиями жесткой борьбы за финансовую поддержку и возможность продолжать работу по выбранной теме, мешает следовать не только идеалу критической научной дискуссии, но и принципам обоснованности и новизны, когда ученые вынуждены публиковать “сырые” работы. Все вместе не только тормозит творческую активность, но и девальвирует значение того продукта, по которому измеряется научная деятельность. Таким образом, наукометрия при позиционировании ее в качестве единственного метода оценки научного труда грозит уничтожением собственного предмета.

С.А. Крылов: Я абсолютно согласен со всем, что говорилось и хочу все-таки подчеркнуть: по-моему, дифференциация наукометрически измеримых параметров на объективно измеримые и субъективно измеримые и формирование на основе такого разделения двух-ступенчатой системы оценки помогает разрешить многие проблемы. Вероятность попадания в проводящую анализ научной результативности на втором этапе экспертную группу, состоящую их 20–30 человек, каких-то лжеученых я оцениваю как довольно низкую. Наоборот, вероятность того, что великие ученые попадут в нее, велика. Также можно не сомневаться, что такая экспертная группа заметит великих ученых – будущих или уже сложившихся – в той научной среде, которую им необходимо будет мониторить. Интуитивно мне кажется, что такая экспертная группа будет обладать субъективными, но все же выверенными оценками. Таким образом, итоговый рейтинг будет формироваться на основе показателя знаменитости.

В.А. Лекторский: Но ведь в действительности многие знаменитости незаслуженно знамениты?

С.А. Крылов: Да, в лингвистике есть примеры таких исследователей, как Н.Я. Марр или А.Т. Фоменко. Фоменко выдающийся математик, но в области лингвистики он работает как дилетант и имеет скандальную известность. Но мои подсчеты показывают: вероятность того, что Фоменко попадет в экспертную группу, о которой я говорил, очень мала.

Должен сказать, что великие ученые часто тоже не знамениты. Однако ученый высокого уровня, как правило, имеет хорошую репутацию, позволяющую попасть в число участников экспертной группы.

В.А. Лекторский: Сергей Александрович, полагаю, предложенный вами и Анной Владимировной вариант системы оценки научной деятельности должен получить дополнительное обсуждение, поскольку он все-таки разработан применительно к определенной дисциплинарной области. Мы уже говорили здесь, что в зависимости от направления исследований методы оценки могут несколько дифференцироваться. Опыт Великобритании мне кажется очень поучительным в этом смысле.

Коллеги, на этом мы вынуждены завершить наш круглый стол. За несколько часов мы успели рассмотреть целый ряд важных вопросов и прийти к некоторым выводам. Но очевидно, что это только начало разговора, и он должен быть непременно возобновлен. Нам как представителям научного сообщества необходимо сообща обсуждать проблемы научной деятельности, творчества и их оценки, и сегодняшний разговор доказал, что такие обсуждения могут быть очень продуктивными.

Материалы “круглого стола” подготовили
С.В. Пирожкова и В.В. Пирожков